

В. А. Нечаев

V. A. Nechaev

*ФГБОУ ВО «Уральский государственный
горный университет», Екатеринбург*

Ural State Mining University, Ekaterinburg

chacapu@mail.ru

**РЕЛИГИОЗНЫЕ ИНТУИЦИИ ВОСПИТАТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА:
ПРАВОСЛАВНЫЙ, КАТОЛИЧЕСКИЙ, ПРОТЕСТАНТСКИЙ
УКЛАД ОБРАЗОВАНИЯ**

**RELIGIOUS BASIS OF EDUCATIONAL PROCESS: ORTHODOX,
CATHOLIC, PROTESTANT EDUCATION**

Аннотация. В статье предпринимается попытка раскрыть религиозный подтекст образовательной практики с опорой на анализ религиозных традиций, проведенный А.Ф. Лосевым. Выводы относительно мировоззренческих установок католической, протестантской и православной традиций экстраполируются на современную школьную действительность.

Abstract. The article attempts to reveal the religious subtext of educational practice based on the analysis of religious traditions conducted by A.F. Losev. Conclusions regarding the worldly attitudes of Catholic, Protestant and Orthodox traditions are extrapolated to modern school reality.

Ключевые слова: ценности, религиозные интуиции, воспитательная система, конфессиональная педагогика.

Keywords: values, religious intuitions, educational system, denominational pedagogy.

Все более актуальной задачей для исследователей становится глубокое осмысление образовательно-воспитательной практики с позиций современного человекознания вообще и раскрытие религиозных оснований современного образования, в частности. Всякий согласится с тем, что любое воспитание преследует в качестве цели достижение совершенства человека, которое всегда присутствует потенциально в педагогически отношениях, а значит, представляет предмет веры! Погружение в сферу должного показывает, по мысли С.И. Гессена, что педагогика представляет собой практическую философию [2]. Усилим эту мысль, утверждая, что педагогика и род практического богословия, а педагог волей-неволей оказывается проповедником иного царства, которое разительно отличается от окружающей жизни. Если теология даёт ясные выводы для экономической области (М. Вебер) [1], то тем более она способна оплодотворить сферу воспитания.

Обратимся к опыту педагогически значимого анализа исходя из теологических оснований, который предпринимает А.Ф. Лосев, комментируя католичество и протестантизм сквозь призму античного космоса [4]. Интересен сам путь, который позволяет из богословского знания делать выводы для образовательной практики человека. В этом смысле справедливо аналогично области догматического знания в богословии ввести четкую логику построения системы педагогической системы, если автор ее заявляет свою принадлежность определенной религиозной традиции. В светских образовательных системах, как правило, авторы обосновывают их методологическими основаниями, прорисовывающими сферу должного, однако, и к ним также может быть применен теологический инструментарий.

В педагогике имеется пласт знаний, непосредственно касающихся теологической области, в виду чего возможен теологический анализ образовательно-воспитательных систем. Речь идёт о трёх отделах педагогического знания, неизменно разрабатываемых в воспитательных системах, которые упоминает В. И. Гинецинский: педагогическая аксиология (метатеоретический уровень), педагогическая антропология и педагогическая социология (теоретический уровень) [3, с. 20].

А. Ф. Лосев, производя теологический анализ католичества, в духе реалистического символизма реализует его интуиции уже в духовно-практической (а, значит, и воспитательной) сфере деятельности человека. Приведем соответствующий пример, автор пишет: «Наконец, остается еще третий путь, который фактически и использован католичеством, это – путь трактования первой и второй ипостасей как равноправных и третьей как подчиненной им. Тут – объединение агностицизма с позитивизмом. Первая ипостась превращается в отвлеченный признак, вторая – в единственно мыслимый эйдос, а третья – в фактическое "качество" и "действие", в реальную силу и конкретную действительность Бога. Тут-то и делается диалектически понятным, почему католическая философия есть аристотелизм. Аристотелизм есть именно такой платонизм, который, будучи базирован на эмпирически-фактической действительности, превращает единое из субстанции в абстрактную акциденцию, эйдос – в описательно-статическую форму, а реальную вещественность – в подлинную реальность вообще, хотя и зависящую от эйдоса» [4, с. 881].

Отсюда легко в триадологических интерпретациях католичества прийти к господству схоластики в образовательной практике католической

школы. Сам дух школы и не только в этом аспекте схоластики, но и во многих других, произведен от богословских оснований религиозной традиции.

Другой путь, к которому прибегает А. Ф. Лосев – это взаимосвязь триадологии и педагогической антропологии. В истолковании жизни Лиц Св. Троицы органически через живой символ А.Ф. Лосев предлагает перейти к сфере внутренней жизни человека, где невыразимая мистика реализует Богообщение с Ипостасью Бога Отца, рационально-рефлексивная – Бога Сына, практико-деятельная, включая внутреннюю деятельность Св. Духа. Приведем соответствующий фрагмент о католицизме: «В молитве опытно ощущается вся неправда католицизма. По учению православных подвижников, молитва, идущая с языка в сердце, никак не должна спускаться ниже сердца, в то время как агностицизм и позитивизм *Filioque*, будучи переведен в молитву, требует 1) абстрактизации божественной сущности и 2) позитивно ощущаемых ее энергий. Но когда предмет знания абстрактен, а процесс его познания очень жизнен и напряжен, то в силу неудовлетворительности самого предмета образуется бесплодное воспаление и разгорячение этого процесса и невозможность удовлетвориться вместо спокойного видения и обладания, "священного безмолвия" исихастов" [4, с. 885–886]. Отметим обширность и плодотворность этого пути для анализа религиозных интуиций образовательного процесса.

Вот какое царство проповедуется современным образованием и является предметом анализа в настоящей статье. В характеристике каждой из педагогических традиций, а именно православной, протестантской и православной будем исходить как из первоисточка: из догматических оснований и переходить к педагогическим следствиям, получая подчас неожиданные результаты.

Итак, католическая педагогика. Католицизм, по меткому замечанию А.Ф. Лосева представляет собой «христианство, прельщенное тварью». В этом следует видеть причину искажения католическим богословием центрального догмата христианской веры – учения о Пресв. Троице, в котором латиняне учат об исхождении Духа Святаго от Отца и Сына. Данный вопрос в богословии, именуемый «филиокве», обнаруживает серьезное заблуждение католического богословия, которое вводит в недра Троицеской жизни субординацию по образцу тварного мира. Конкретно, у католиков Третья Ипостась Духа Святого не равночестна (как в Православии) а подчинена Первой и Второй Ипостасям Пресвятой Троицы. Точный диагноз католическому богословию дает А.Ф. Лосев, утверждая, что в нем прово-

дится «агностицизм в отношении к Первой Ипостаси Бога Отца, рационализм в отношении Второй – Сына и эмпирическое панибратство в отношении Третьей» [4, с. 881].

Тот, кто думает, что тонкости богословия мало что значат в практической жизни, глубоко ошибается, ибо из них сейчас же с математической точностью выводится весь строй духовной жизни католической церкви. Нечувствие апофатической глубины жизни Царствия Божия волей-неволей приводит к формально-логическому восприятию благоветсования – учения Спасителя, в главном же побуждает руководствоваться земными интересами и земными целями. Вот и вытесняется в католической церкви Краеугольный камень – Христос, а Его место занимает непогрешимый наместник Бога на земле – папа Римский. За этим следует некоторое различие и путаница, в чем же заключается жизнь земной Церкви – воинствующей и Небесной – торжествующей, что и вызывает превращение благодатного организма Церкви в Систему, которая управляется безблагодатной до крайности иерархизированной формальной дисциплиной, как бы новой формой законничества. Отсюда для верующего католика возникает щекотливая ситуация, когда внешние правила требуют одного, (например, практики индульгенций для использования сверхдолжных заслуг святых), а душа жаждет личного спасения и богатой внутренней жизни. Ничего неотмирного для заплутавшего в суетной жизни человека католицизм предложить не может и оттого подменяет благодатную духовную жизнь человека чувственной экзальтацией – острыми проявлениями земных чувств, возникающими в связи с религиозными предметами. Именно этим объясняются свойственные католикам нетрезвенная практика желаний, вплоть до вхождения в религиозный экстаз.

Теперь, когда, кажется, духовный фундамент католицизма определен, можно выводить педагогические следствия. В виду того, что любовь к Богу притупилась и приобретает земные формы, остается один источник воспитательной деятельности – любовь к ближнему, которая вне Божественного образа в человека оборачивается по точному названию И.А. Ильина любовью к земной «человечине». Отсюда широкая практика в католицизме чувствительного милосердия, социального служения, в которых преследуются интересы земного благополучия. Таким образом, католическая педагогика дает **ослабленный вариант христианских заповедей** и христианских добродетелей в качестве воспитательного идеала. Проекцией безблагодатного формального законничества в педагогической

плоскости оказывается предписываемый ученику **абстрактный морализм**, поддерживаемый **внешней дисциплиной** (чем зачастую восхищается увлекающийся педагог – как в каком-нибудь западном пансионе все продумано и прописано!). Орден иезуитов обогатил воспитательную практику католической педагогики **психологическим нажимом, манипуляцией, вседозволенностью в воспитании по принципу «цель оправдывает средства»**. Наконец, сама жизнь школы претает пред нашим взором как механическая работа масштабной организации, где человек (равно и воспитатель, и воспитанник) сведены к функции, а господствуют ведомственные обязанности, должности, гранты, именные стипендии, рейтинги и прочая педагогическая шелуха. Наконец, заглянув во внутренний мир ученика чаще всего, обнаружим болезненный раскол разума, руководствующегося благой теорией и сердцем, ниспадающим до земных пристрастий, одним словом, **безлюбвную мораль долга**.

Несмотря на кажущуюся удаленность от католицизма социалистической идеи, сама **социалистическая педагогика** полностью подпадает под описанный тип педагогики. Весь ряд можно воспроизвести, начиная от ослабленного христианского идеала в «Кодексе строителей коммунизма», через формальную жизнь в общественных организациях, сопровождающих всю жизнь человека и до внутренне противоречивых плодов советского воспитания – жестокости отличников и ригоризма комсомольских вожakov. Приведя этот яркий пример, перейдем к протестантизму.

Временная дистанция безверной жизни, отделяющая время возникновения католицизма от Реформации усугубила положение для протестантизма. Припомним, что если **Возрождение** забывало о Боге, воспевая творческий дар человека, **картезианство** ставило под сомнение Его существование, **кантианство** представляло Божественную жизнь непостижимой и чуждой «вещью в себе», то **марксизм** уже просто обошелся в построении земного рая без всякого богословия. Не будет преувеличением сказать, что для протестантизма, возраставшего в такой духовной атмосфере, понятие о Самом Боге оказываются важными лишь под углом зрения **крайнего психологизма** – внутреннего самочувствия верующего. Общеизвестен тезис протестантов достаточности для спасения одной внутренней веры, что отменяет необходимость всего «внешнего». За скобками остается жизнь Церкви, жизнь Царствия Божия, да и сама вера скорее напоминает слепую убежденность в чем-либо, которая боится разоблачения живой мыслью. Представляя блаженную жизнь в своих брошюрках, многочисленные

неопротестантские течения не способны представить взору читателя ничего более, чем картины из жизни какой-нибудь экваториальной страны, где вырос богатый урожай плодов. Сама множественность протестантских течений имеет причину в широчайшем плюрализме душевного опыта, который полагается в основание вероучения. Итак, протестантизму присущ болезненный разрыв Писания и Предания, когда своевольно избирается из Писания то, что пригодно, трактуется по своему разумению, а церковная жизнь и сами благовестники оказываются ненужными. Внецерковность верующего приводит к безблагодатной жизни, ибо освящение Бог подает Своей Церкви. Отсюда мы уже не наблюдаем у протестантов дел любви, а только болезненную устремленность к полужизни в познаниях, в односторонней деятельности разума. Причем все это усугубляется чувством своего превосходства и предопределенности ко спасению, совершающегося вне личной свободы.

Как скучна религиозная жизнь протестанта, так же плачевны и плоды воспитания в духе протестантизма. Без реальности Церкви человек обречен на одиночество, вот почему вся деятельность воспитанника сосредотачивается вокруг **собственной личности**. Во внутреннем самоощущении протестантская педагогика **плюралистична**, не предлагает никаких ориентиров, отсюда – что бы ни восчувствовал человек – это действие Духа Святого по понятиям протестантизма. Хоть протестантизм и обращается к практике коллективного воспитания, однако атомизированный песок индивидуумов хоть как-то сплотить может лишь общий интерес и **дух коллективной гордости**. Вспомним здесь те усилия, которые предпринимает, например, прагматическая традиция воспитания, чтобы возбудить искренний интерес ребенка. Отсюда все более ребенок привязывается к пустой действительности знаний при полном отрыве от жизни, причем душевная его жизнь не остается в бездействии. В ней созревает страсть гордости по формуле «чем больше я знаю, тем значительнее моя личность». Так рождается практика духоведения в русле самого **дремучего гностицизма**, например, в вальдорфской школе, когда ум воспитанника плутает в иллюзиях открыть некий духовный закон, способный сделать его живым полубогом, сверхчеловеком, господствующим над всем миром.

Разве не знакомый сюжет по практике воспитания в общеобразовательной школе? Безраздельное **царство знаний**, а не «жизни с избытком», приходится констатировать в ней.

Таким образом, удивительным итогом размышлений над судьбами современной российской педагогики, немислимой вне христианских своих

корней оказывается следующий диагноз: там, где еще сильны традиции советской школы за счет кадров «старой закалки» наблюдается уклон в сторону католической педагогики, а где подхвачены идеи реформирования, воспитание становится по духу протестантским.

Православный уклад образования неизменно связан с Богообщением, актуализацией соборного бытия человека и предполагает семейственность наставнических и учительских отношений, братство в горизонтальных отношениях со сверстниками, аскетический момент деятельности для преодоления одностороннего интеллектуализма школы, повседневность поступков субъектов воспитания, смысложизненную направленность самой школы и многое другое.

Список литературы

1. Вебер, М. Избранное: Протестантская этика и дух капитализма. Москва – Санкт-Петербург: Центр гуманитарных инициатив, 2013. 649 с. Текст: непосредственный.
2. Гессен, С.И. Основы педагогики: Введение в прикладную философию: учебное пособие для вузов. Москва: Школа-Пресс, 1995. 447с. Текст: непосредственный.
3. Гинецинский, В.И. Основы теоретической педагогики: учебное пособие. Санкт-Петербург: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 1992. 154 с. Текст: непосредственный.
4. Лосев, А.Ф. Очерки античного символизма и мифологии. Москва: Изд-во «Мысль», 1993. 962 с. Текст: непосредственный.

УДК 2-752

В. В. Новосёлова

V. V. Novoselova

К ВОПРОСУ О ВЗАИМОДЕЙСТВИИ СВЕТСКОГО И РЕЛИГИОЗНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

ON THE INTERACTION OF SECULAR AND RELIGIOUS EDUCATION

Аннотация. Предпринята попытка объяснить взаимодействие светского и религиозного образования в современной России.

Annotation. An attempt is made to explain the interaction of secular and religious education in modern Russia.

Ключевые слова: образование, взаимодействие светского и духовного образования.

Keywords: education, interaction of secular and spiritual education

В конце XX – начале XXI века влияние религии на жизнь российских граждан значительно возросло. Наметилась тенденция повышения роли Русской православной церкви в общественной жизни страны. Если в советский период взаимодействие религиозных и светских институтов было